

Андрей Белый

**Дорогой памяти Ю. А.
Сидорова**

Андрей Белый
Дорогой памяти
Ю. А. Сидорова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134805

Аннотация

«Когда я думаю о безвременно почившем Ю. А. Сидорове, мне всё кажется, что он не умер, а – с нами; вот уже более года, как его от нас похитила смерть, а весь облик его – всё живее, всё ближе; Ю. А. тесно вошёл в жизнь тех, кто его знал близко; в нём своеобразно сочеталось и преломлялось всё, что одушевляет многих из нас; наиболее сложные и мучительные вопросы современности получали особое освещение, когда их касался Ю. А. Слушая его, казалось, что он умеет говорить о том, что в нас ещё немо...»

Андрей Белый

Дорогой памяти

Ю. А. Сидорова

Когда я думаю о безвременно почившем Ю. А. Сидорове, мне всё кажется, что он не умер, а – с нами; вот уже более года, как его от нас похитила смерть, а весь облик его – всё живее, всё ближе; Ю. А. тесно вошёл в жизнь тех, кто его знал близко; в нём своеобразно сочеталось и преломлялось всё, что одушевляет многих из нас; наиболее сложные и мучительные вопросы современности получали особое освещение, когда их касался Ю. А. Слушая его, казалось, что он умеет говорить о том, что в нас ещё нет.

Ю. А. Сидоров был замечательный человек.

Когда я думаю о почившем, мне становится ясным одно: *замечательный человек не то, что замечательный писатель*; замечательных людей в том смысле, в каком был им покойный, менее, чем писателей; эти люди нужнее многих прекрасных книг, многих мудрёных трактатов. Те, кто помнит Сидорова, знают, что унёс он с собой; он унёс с собой редчайший дар, который делает человека знаменосцем целого течения. У Сидорова была непоколебимая вера в нравственную высоту чистого искусства, но в нём не было узости, иногда присущей людям, в которых мы находим все задат-

ки проповедника; проповедь его заключалась в нём самом: в том, как он подходил к человеку, как этому человеку умело освещал он его самого. После нескольких бесед с покойным не раз мне казалось, что я лучше вижу и слышу в себе те струны души, которые звучали во мне бессознательно до разговора с покойным; я знаю, что то же испытывали многие. С появлением его в том или другом кружке он невольно делался центром; это происходило само собой; говорившие с Сидоровым хоть раз серьёзно – уже не могли его забыть никогда: он сам являлся олицетворением и воплощением нравственной связи, без которой невозможна никакая группировка людей, а ведь только такая группировка обуславливает серьёзное течение мысли и творчества; вот почему без преувеличения можно сказать, что кончина Юрия Ананьевича поставила в невозможность целую группу лиц высказаться так, как было бы нужно высказаться, создать то, что теперь уже создано не будет; с ним ушло в могилу целое течение, как знать, может быть важное для России. Ю. А. был создан держать знамя; для этого мало быть интересным писателем: надо быть замечательными человеком; и он им был.

Замечательный писатель – часто человек вовсе не замечательный. Как же это возможно? Ведь писатель приковывает наше внимание тем, что отражает в творчестве глубокие стороны человеческого существа; можно выражать лишь ясно видимое вокруг себя; ясно же видишь то, что носишь в себе; носишь же в себе то, что хочешь носить: тут сталкивается че-

ловек с писателем: когда хочешь быть чем-либо, то это значит, что ещё цель не достигнута; если хочешь, то ещё только носишь; носить в себе своё «я» ещё не значит им быть; ясно видеть глубокие стороны жизни, значит ещё не слиться с созерцаемой глубиной; быть в глубине, значит не говорить о ней вовсе, а создавать вокруг себя ту непередаваемую атмосферу, для выражения которой нет слов: Юрий Ананьевич говорил много и жарко; слова его были всегда замечательны; они были гибки и тонки, светясь пронизательностью, умом, и всегда невзначай, поражая эрудицией; но вовсе не умные речи влекли нас к покойному. Он всегда говорил *не о том, чем он был*; за словами его вставала непередаваемая красота его молчаливой души, которая сказывалась в жесте и в ритме, с которым он подходил к людям.

И я уверен, что будь он писателем, оставившим после себя тома, он никогда не был бы в своих книгах тем, чем *он был для нас*; о, я знаю – он был бы *большим поэтом*: его юношеские опыты свидетельствуют о таланте; талант, вспыхнув, быстро и ярко в нём разгорался на наших глазах.

Но Сидоров не был только поэтом, – большим, несравненно большим он был для меня.

Я познакомился с Ю. А. всего за год до его кончины; говорил и встречался с ним мало, но каждая встреча запечатлевалась надолго в моей памяти, каждый разговор на многое, мне доселе не ясное, раскрывал глаза; и, глядя на покойного, я мысленно радовался, что есть Россия, есть русские...

Пока среди хаоса современности, среди брожений неокрепшей мысли, истерических поступков и пустых фейерверков слов существуют люди, подобные Сидорову, не *талантливые только, но и нравственно мудрые*, чего нам бояться, ибо с нами Бог!